

От автора

И опять здравствуй, мой дорогой и уже многократно проверенный, а потому и родной уже Читатель! Вот и опять мы встречаемся с тобой, и надеюсь, что не случайно. Встречаемся потому, что тебе стала небезразлична судьба нашего с тобой общего героя, простого одесского парня Андрея Проценко. Орденоносного, боевого капитана одного из самых прославленных отрядов специального назначения, доблестного офицера, ставшего волею судеб пенсионером в 23 года от роду, Крапового Берета, известного в узких военных кругах как Филин. В своем давнем прошлом... А в прошлом ближайшем... Легионера Французского иностранного Легиона, успевшего всего за неполных два года вырасти из рядового легионера до лейтенанта, стать кавалером ордена «Военный крест (за боевую операцию)» и медали «Ордена «Святого Георга» с мечами» и получить из рук живой «легенды» Легиона, бригадного генерала Огюста Жерарди, легендарного «Паука», Малиновый Берет. Огромная честь, надо признать, ибо берет этот дается тем, кто достиг наивысшей ступени воинского мастерства, как дается профессионалам высочайшего класса и наш, Краповый!.. Андрей, а для французов Ален Ферри, стал тогда «семьдесят седьмым». В том смысле, что действующих легионеров, имеющих право носить такой берет, на тот момент было 76, Андрей же стал «77»... Да ты, наверное, и так уже знаешь все то, что я уже успел рассказать про этого парня с такой непростой судьбой!..

Он шел по жизни и идет по ней до сих пор с гордо поднятой головой. Он горд от того, что относится к той когорте людей, которые выбрали своей судьбой службу в армии. И хоть труд этот нелегок и опасен, но... Он всегда вспоминал изречения из Библии и говорил себе: «Мы — псы господни!»...

Что ж!

Если ты, мой дорогой читатель, сегодня здесь, со мной, то ты готов пуститься в путь, чтобы узнать, понять и, возможно, простить за что-то, ибо нет абсолютно безгрешных людей. Ты готов сопереживать... Значит, ты готов прожить с нашим воякой до мозга костей еще один кусок его жизни...

Если все это так, тогда...

«Тревога!!! Подъем! Выходи строиться!»...

*Мне никогда не понять процесс пульсации вен,
Мне никогда не поверить в чужих и странных богов!
И я не вижу дверей у этих проклятых стен,
И я не чувствую правды у позолоченных слов!
И мне не нравится мир, в котором нету войны.
Война же в каждом из нас! Она ж — одна из опор!
И нам не надо причин, и нам не нужно цены,
Остались только бы силы, чтоб передернуть затвор!*

*И кто-то мечется в агонии и стонет в бреду,
А кто-то дышит на ладонь, бредет по тонкому льду.
И только я боюсь увидеть небо в красках нового дня.
Как огня!
На мне — броня! Во мне — броня!*

*Как много порванных струн в обледеневших сердцах,
Как трудно выдержать взгляд, не раствориться в толпе.
Мы ищем в каждом клеймо, скрывая кровь на руках
Всех тех, кто взял свои маршруты на той, военной тропе.
Меня не жалует рай, но и не светит мне ад —
Я завис где-то между туманных связей времен.
Мне очень хочется жить, но, оглянувшись назад,
Боюсь увидеть разруху, без причин и... Погон...*

(А. Негривода, апрель 2001 года)

Пролог

7 февраля 2008 г.

День рождения Машеньки

■ ■ ■ **О**н метался по комнате, как загнанный зверь:
— Да что же это такое, блин горелый!
— Успокойся, Андрюша! Может, со связью что-то не в порядке...

Его жена, его любимая Иришка, смотрела на Андрея глазами, полными сожаления.

— Может!..

— Может, у нее номер телефона сменился?

— Да что угодно «может»!.. — рявкнул в сердцах Андрей. — Только моей доче сегодня исполняется 17 лет! Понимаешь? Сем-над-цать!.. А я не могу ей позвонить! Понимаешь?! Первый раз не могу ее поздравить! А из-за чего?

Он опять, уже в который раз за этот вечер, стал тыкать пальцем в кнопки телефона и ждать гудка.

— А миспар, ше нутактем, эйн ле мехубар!¹ — опять проговорил электронный голос в телефонной трубке.

Андрей с силой шмякнул трубкой об подушку:

— 3-зараза!.. Ле мехубар!..

И опять круги по комнате, и пристальный взгляд на телефон, словно он мог загипнотизировать этот

---

¹ — Номер, который вы набрали, не обслуживается! (*уврит*)

аппарат, а тот, подчинившись его воле, соединил бы его наконец с дочерью.

Ирина смотрела на Андрея и понимала, как ему сейчас больно. Понимала, как он любит своих детей, которые от него сейчас так далеко. Она даже где-то в глубине немного ревновала его к ним, хоть и понимала, что это глупо. Дети — это святое!.. А еще она понимала, что он, ее неугомонный Филин, нервничал бы точно так же, ничуть не меньше, если бы не мог дозвониться до нее, потому что не умел иначе! За те три с половиной года, что прошли с момента их знакомства на пляже в Одессе, она хоть многого о его жизни и не узнала, но поняла про него одну истину — он никогда не лукавил в своих чувствах! Если любил, то любил до самозабвения, если ненавидел, — то всей душой!.. Таков уж он...

— Андрюша... — Она подошла к нему сзади и обняла. — Ну, что поделаешь... Не выбрасывать же из-за этого телефон...

— Я бы выбросил! И даже не глянул бы, куда упадет, мать его!..

— Главное, что ты помнишь о ней... Это главное! — Иришка погладила мужа по мощному, бритому затылку.

— Ну, да... Главное...

— Ну, хочешь... Выпей за ее здоровье... Я покушать приготовила...

Он обернулся и с теплотой и благодарностью посмотрел в ее глаза:

— Ты самая понимающая из всех жен на свете!.. Я давно не выпивал, Ириша, сама же знаешь... Да и самому, как-то оно...

— А я рядышком с тобой посижу!

Она метнулась на кухню и принесла несколько тарелок с нехитрой снедью: картошечка-пюре, жа-

ренные грибочки, несколько ломтиков нарезанного домашнего сала.

— А насчет «давно не выпивал»... — Она поставила на столик крохотную, двухсотграммовую бутылочку украинской водки «Хортица» и хитро улыбнулась. — Так ты кабан здоровый! Тебе эта пробирочка, что слону дробина! Видела я уже, как вы с «Медведем» в Одессе по литру «за встречу» заглывали, и хоть бы хны!..

— Это было за встречу, Ириша... А потом... Что самое главное в выпивке?

— Что?

— Компания!..

— Вот я с тобой и посижу рядом...

А через полчаса, когда алкоголь взял все же свое и Андрей захмелел, ему стало так грустно и тоскливо, что на глаза навернулись слезы... Нет, не пьяные это были слезы! Просто алкоголь немного расслабил нервы, зажатые до окаменевшего состояния...

Ирина сидела рядом, смотрела на своего большого, сильного, сурового мужа, который плакал в день рождения своей дочери:

— Ну, что? — Она погладила его по щеке. — Водочка выходит?

— Да-а... Все подряд выходит, Солнышко!..

Андрей стыдился своих слез, и Ирина это видела:

— Ладно, Андрюша... Ты посиди тут... А лучше ложись... Повспоминай... Все равно ведь будешь... А я с мамкой пойду на кухне в шахматы поиграю, чтобы не мешать. Ага?

— Я тебя люблю, Солнышко мое!..

Он просидел в полной темноте несколько часов. Да и не нужен ему был свет. Не зря же его называли Филином... Да только дело было даже не в этом...

Андрей, как в кино, видел сейчас всю свою жизнь... Все, что было пройдено и пережито... Вспоминал всех своих друзей, живых и ушедших навсегда на этих военных перекрестках судьбы... Вспоминал и «видел» все подробности... День за днем, месяц за месяцем, год за годом...

А потом... Потом его память вдруг «зацепилась» за «то» время... Наверное, самое тяжелое время в его и так не простой жизни... Время, за которое он пережил и переосмыслил очень многое...

Оно тянулось с 8 июня 2000-го до 1 ноября 2001-го.

Время невосполнимых потерь, разочарований и... обретения! Обретения веры... Веры в то, что не «умерли» еще на земле окончательно честь, совесть, человечность и дружба!

Все тогда, в то время, было сложно и неоднозначно, в то время, когда Филину исполнилось тридцать три года...

Страна «Амазония»

...В списках живых кто-то лишний?!
Нет! Ни мешанская сволочь, ни прочая гнусь,
Боль утрат наших и время не сгладит!
Калеки молодые — наша вечная грусть,
А павшим — вечная память!..

*8 июня 2000 г. Франция. Абажель.
«...Ты когда-нибудь пил молоко ламы,
лейтенант?»*

— Лейтенант Ферри прибыл по вашему приказанию, мон генераль!
Андрей стоял по стойке «Смирно!» посреди кабинета бригадного генерала Жерарди. Они не виделись уже два месяца, с того самого момента, когда генерал сам, лично, пролетел на вертолете, возглавив операцию по эвакуации жалких остатков группы Чифа из деревни Кучиште, затерянной в горах Косово, и вывез их в Белград...

Они не виделись...

Странные, если честно, сложились отношения у этих двоих вояк... Бригадный генерал Огюст Жерарди. Жесткий, волевой и бескомпромиссный, отдавший более тридцати лет службе во Французском иностранном легионе, успевший поучаствовать практически во всех вооруженных конфликтах, правительственных переворотах и путчах, в которых была заинтересована Республика Франция. «Выросший» из рядового легионера «2-го класса» в «национальную

легенду», генерала, возглавляющего уникальный батальон разведчиков-диверсантов «Дикие Гуси». Имеющий столько наград, что одному и не унести на кителе!.. Это был уже солидного возраста человек: прожить пятьдесят «с хвостиком» для человека такой профессии — само по себе уже подвиг(!), — с которым потягаться в «рукопашной» рискнул бы далеко не каждый молодой офицер. Жерарди воспринимал Андрея как своего, если уж не сына, то, во всяком случае, как «крестника». И совсем не за «красивые глаза»!!! Как своего подчиненного, как командира разведдиверсионного взвода, он его терпеть не мог: очень уж «неудобным» и своевольным был Андрей. И наказывал он его чаще, чем других! И в позорный караул у бочки ставил за неподчинение приказам!.. А для уважающего самого себя солдата это...

Стоять «на часах» по стойке «Смирно!» рядом с двухсотлитровой бочкой, наполненной до самых краев свежим, жиденьким таким дерьмом, — занятие далеко не из самых приятных. Жуткая вонь и назойливые зеленые мухи, пытающиеся влезть к тебе в нос, в рот и, уж обязательно, в глаза...

Такому наказанию подвергаются только закоренелые бунтари, «оппозиционеры» или «анархисты». Да-да! Такие в Легионе тоже есть! Но встать в оппозицию или удариться в анархизм мог себе позволить только тот, кто за многие годы службы в Легионе приобрел такой опыт и такой профессионализм, что стал «почти незаменимым», и командование ему и его профессионализму доверяет настолько, что не считает разумным его увольнение ввиду будущих задач...

«Часовой» на этом посту стоял в полной парадной форме при всех орденах и прочих регалиях, в аксельбантах, как при встрече президента, но главное — в Берете!.. И стоять, надо заметить, в таком виде на

всеобщем обозрении да в виду штаба было не просто физически тяжело, но еще и невыносимо стыдно и обидно...

Андрей за два года службы такой «экзекуции» подвергался дважды!.. И оба раза по прямому приказу Жерарди!.. Но!!!

Видимо... И сам Паук (Spider), таков был его рабочий позывной с самого начала службы, хотя последний десяток лет его называли еще и «Гусь Жерарди», не единожды, надо думать, стаивал в этом «почетном карауле»... Видимо... Напоминал ему «кого-то» этот резкий, грубый, но «проф» своего дела, при всем при том этот парень не боялся брать на себя ответственность даже вопреки приказам командования, и... Всегда доводил дело до логического конца!.. Потому и был «обласкан» генералом такими заданиями, которые, видимо, не мог доверить никому другому... Но и награды этому бунтарю генерал вручал лично!.. И, смею вас уверить, почитал это за честь не малую — «штучный» вояка встретился на его пути, что и говорить, почти такой же, как и был он сам, Паук, тогда, когда был еще младшим офицером и делал такую же, «грязную работу»...

— Вольно!

Генерал вышел из-за стола и стремительно приблизился к Андрею:

— Как дела во вверенном подразделении, лейтенант?!

Это вообще не было вопросом! Как шли дела в лучшем «учебном взводе», генерал знал и без глупых ответов! Это была обычная, в среде военных, «завязка разговора»...

— Вольно, Чиф! — Паук сграбастал Андрея в свои

стальные объятия и стал тискать, уподобившись медведю. — Как ты, сынок?! Как дела, лейтенант?!

— Все в порядке, Спайдер! — Он задохнулся на секунду в этих медвежьих объятиях. — Занятия во взводе проходят согласно учебному плану...

Генерал отпустил, наконец-то, своего «крестника»:

— Да знаю я, какие у тебя занятия! Уж о каком другом взводе, а о взводе Чифа я знаю все!

Он жестом предложил Андрею садиться в «гостевое кресло», а сам прошелся бодрым шагом по кабинету к резному секретеру красного дерева, который играл в этом кабинете роль мини-бара, и извлек из него пузатую хрустальную бутылку «Hennessy XO» и два хрустальных же стакана.

— Выпьешь с генералом, лейтенант?

— Лейтенантам с генералами пить не положено! Ни по уставу, ни по чину! — улыбнулся Андрей.

— Ясно!.. А два друга-разведчика могут выпить? Что там по этому поводу говорит устав?

— Устав по этому поводу молчит, мон генераль!.. Но, Чиф с Пауком выпьет рюмку-другую с большим удовольствием!..

— Ну, вот и отлично!

Жерарди подошел к журнальному столику, водрузил на него «весь свой хрусталь» и делано строго, сведя брови на переносице, проговорил «гневым» голосом:

— А чего это ты расселся, лейтенант?! Не слишком ли это нагло будет с твоей стороны, если бригадный генерал принесет тебе не только выпивку, но еще и закуску к ней?!

Андрей вылетел из кресла пулей и бросился к «секретеру», зная наверняка, что к коньяку в нем обязательно найдется прекрасный швейцарский шоколад и марокканский лимон. Извлекая эти «богатства» на свет божий, Андрей услышал за спиной:

— Хотя, наверное, пора и потренироваться к пенсии... Профессия официанта, говорят, приносит неплохой доход... — Паук думал вслух...

Лейтенанту оставалось только улыбнуться, молча — этого «старика» и «ломом не перешибешь»...

— Все готово, Спайдер!

— Вот и отлично! Тогда, как старший по званию и по возрасту, назначаю тебя сегодня на должность «разводящего»! Наливай!

Набулькать в стаканы душистую, золотистого цвета, жидкость не заняло и нескольких секунд, и они подняли свою «тару», согревая в руках коньяк.

— Я хочу выпить за твоих друзей, Алэн. За погибшего Задиру и за этого раненого русского прапорщика... Как вы его называете?

— Горе.

— Вот-вот... — Генерал посмотрел куда-то в окно. — Задира... Отчаянный парень был... Тогда, после той твоей операции в Нигерии, когда он только появился в Легионе, он мне сразу понравился, Алэн! Было, что-то в его глазах такое... М-да... Погибнуть, спасая ребенка... На это способен только настоящий солдат!.. Выпьем за этого настоящего офицера, и пусть земля ему будет пухом!..

Они, по сложившейся традиции, пролили из своих стаканов на пол по несколько капель, вспоминая всех павших воинов, и выпили до дна и посидели, молча, вспоминая своих друзей...

— А как твой раненый прапорщик? — спросил генерал через минуту.

— Руку ему спасли, Паук, — спасибо врачам... Теперь ему предстоит несколько месяцев реабилитации, а потом...

— У него не появилось желания остаться у нас в Легионе?

Андрей грустно улыбнулся:

— Я спрашивал об этом... Он очень благодарен нашим врачам, мон генераль, но... Если бы не Задира, то он наверняка остался бы, а так... Ведь они оба потомственные донские казаки... Оба из одного города... Вадим хочет вернуться, чтобы быть рядом с могилой своего друга... Они прослужили, провоевали бок о бок десять лет! И всему тому, что умеет Горе, научил его именно Задира!.. У Клима не было своей семьи, но у него остались в Воронеже пожилая мать и две племянницы... Так что... Вадим уедет на Родину, как только его отпустят врачи... И, скорее всего, постарается заменить им Задиру...

— Жаль! — Было видно, что генералу действительно жаль «терять» такого бойца. — Хотя это действительно достойно уважения!.. А что касается твоих просьб по поводу прапорщика... Не сомневайся — «Гусь Жерарди» своих обещаний на ветер не бросает!..

— Спасибо, — только и оставалось произнести Андрею.

Они посидели немного, и Жерарди вдруг рявкнул:

— Почему вы не выполняете свои обязанности, месье лейтенант?!

От неожиданности Чиф вскочил с кресла как ужаленный и вытянулся по стойке «Смирно!»:

— Не понимаю, мон генераль!

И тут генерал рассмеялся прокуренным голосом, словно простуженный ворон на ветке закашлялся:

— Почему до сих пор пусты наши бокалы?

В этом был весь Жерарди — «кнутом и пряником» воспитывал он своих солдат, а они «в ответ» любили и уважали его, как строгого, но справедли-

вого отца и никогда не пожелали бы себе другого командира.

Коньяк опять был налит в стаканы, и они опять выпили.

— А кем ты заменил своего Питона, Ален? Кто сейчас в твоём взводе учит молодых легионеров снайперскому делу?

Да... Это была еще одна «потеря взвода». Питон...

Андрей замолчал, задумался, ушел в себя, вспоминая своего сержанта...

Он частенько беседовал с Питоном, этим суровым, как скала, бывшим «дважды капитаном» спецназа ГРУ. Что-то было в этом парне такое, что заставляло Филина относиться к нему с огромным, неподдельным уважением и прислушиваться к его мнению с превеликим вниманием... Капитан в прошлом, Виктор Попа (с ударением на «а»!). Тогда, в 2000-м, ему было уже тридцать семь лет от роду. А на вид все сорок семь — суровое, каменное, изрезанное паутинками морщин лицо, умные, пронзительные глаза, седина даже в бровях и ресницах и мощное, тренированное тело. И опыт! Четыре года в Афганистане, практически безвылазно, если не считать «внеочередных отпусков» в госпитали — четыре ранения, не шутка, чай. Да, этот парень полностью отдал свой «интернациональный долг», будучи прикомандированным от своего родного «Аквариума» в качестве снайпера сначала в состав «Каскад-3», потом в «мобильную офицерскую группу» (МОГ) легендарного «Каскад-4», исползав на своем брюхе ближние и дальние окрестности Кандагара. После вывода из Афгана «Каскад» был расформирован, и капитан Попа был направлен для прохождения дальнейшей службы в ЗакВО в Баку на должность начразведки

мотострелкового батальона. Эх! Не берегли в те годы своих боевых офицеров, прошедших горнило Афгана, считали их диссидентами, «минами замедленного действия»! Он попытался было поступить на службу в другое ведомство, потеряв по старой афганской памяти своих сослуживцев «каскадеров», но попасть такому офицеру-чужаку в легендарный «Вымпел» было ох как непросто — эти парни, кроме того, что проходили очень специфическую подготовку, были еще и снобами немалыми — «белая кость», элита элит, спецназ КГБ... Ну, и хлебнул в Азербайджане Виктор полной ложкой сначала с амнистированными уголовниками-головорезами из Сумгаита, а затем и Бакинских событий. И было пятое ранение, представление ко второму ордену Боевого Красного Знамени, награждение прямо в госпитале и набитая в том же госпитале жирная генеральская морда начальника штаба ЗакВО. И был суд «офицерской чести»... Капитаном Виктор стал повторно только через два года, в 91-м, после того как был списан военными эскулапами после очередного ранения на пенсию, но уже из Южной Осетии... Это было давно, на далекой Родине. Но на этом его история не заканчивалась... В 92-м он женился на этнической немке, а в 93-м они эмигрировали в Германию. А дальше... Дальше была, естественно, служба в *Deutsch Bundeswehr* инструктором стрелковой подготовки, развод с женой, увольнение из армии, скитания по Германии в поисках работы и... В 95-м Легион... История Филина, не считая мелких деталей, повторялась чуть ли не до последней запятой... Только не надо думать, что все это Питон рассказал сам, жалуясь на превратности судьбы! Виктор был сурово-молчалив! Все то, что узнал о своем сержанте Чиф, было прочитано им в досье...

— М-да... Ушел на пенсию Питон... Он еще до

нашей командировки в Косово говорил об этом... Мол, контракт заканчивается... Только я думаю, Паук, что все уже и так к тому шло... Устал Питон...

— Да, такое случается иногда...

— Он воюет, практически беспрерывно, с 84-го, Паук! Уже шестнадцать лет! И ранений, я даже не говорю о наградах, у него столько, что о каждом он уже, наверное, и сам не помнит!.. Виктор просто устал от всего этого, Паук, просто устал... В тридцать семь лет мужику уже хочется завести семью и детей и перестать бегать по джунглям с автоматом наперевес. Пора давать дорогу более молодым...

— Он мог бы больше не ходить на боевые, а остаться инструктором.

— Питон — профессионал, каких поискать! И он прекрасно понимает, что если свой опыт не пополнять, то профессионализм теряется... Не сразу, конечно, но теряется. А потом... Он никогда не смог бы спокойно сидеть в Аяччо и ждать, пока его взвод вернется из очередной «командировки»! Тут я его понимаю... Таким, как Питон, нужно либо все, либо ничего!.. Не смог бы он, никогда не смог бы быть обычным инструктором! Сгорел бы от тоски!..

— И кем ты его заменишь? Кто теперь будет преподавать снайпинг?

— Питона невозможно заменить, мон генераль! Это — Моцарт своего дела!.. А преподавать... Пока преподаю я сам, с помощью Вайпера, а потом... Может, и найдется еще один, такой же, как Виктор...

— Сам, значит, учишь молодых?..

— Да, Паук.

Генерал пожевал дольку лимона и кивнул на пустые стаканы. А затем, наблюдая за тонкой стружкой,

люющей из пузатой бутылки, задумчиво проговорил:

— И в этом я не вижу ничего странного, Ален... Вы ведь с Питоном, кажется, учились своему делу у одного учителя?

Андрей с удивлением взглянул на Жерарди. Откуда он узнал сведения, которые хранились Чифом и Питоном «за семью печатями», было совершенно непонятно, хотя и не вызывало особого удивления — на то он и генерал...

То, что сказал Паук, было истинной правдой. И Андрей, и Виктор прошли одну школу в обучении снайперской стрельбе — «школу Быка»...

Старший прапорщик Островский, а среди ратного люда, в узких кругах просто Бык, обладал таким опытом и мастерством, что был единственным инструктором на все отряды спецназа, всех министерств и ведомств почившего в бозе СССР. Правда, лично он обучал премудростям снайперского дела далеко не каждого, и уж никак не по приказу — суров и груб был Бык, особенно с «паркетными офицерами». Таких он попросту посылал к черту, не стесняясь и не боясь последствий. Он обучал мастерству только тех, кто ему понравился, как солдат, как воин... И если пытался какой-нибудь «паркетный» командиришка надавить на Быка голосом или «авторитетом», то он тут же мог получить по репе, а потом дослуживать свой офицерский век где-нибудь в Забайкальском военном округе посреди тайги — ценили Быка, очень ценили! И не только за мастерство высшей пробы. И не только за то, что у этого сурового «куска» были в арсенале практически все воинские награды, которые существовали, а кое-какие и не в единственном числе. И не только за то, что этого вояку поносило по миру так, что, наверное, и на карте не было стольких стран, в скольких он побывал!.. Тогда в Геншта-

бе еще служили несколько генералов и полковников, которые могли бы навсегда остаться лейтенантами в двух метрах под уровнем земли, если бы не он, Бык... Ну, и конечно же, само мастерство его... Пройти «школу Быка» означало получить высочайшую квалификацию — таких стрелков, как он, без преувеличения, в мире едва-едва набрался бы десяток... И Питон, и Чиф, а тогда еще Филин, каждый в свое время прошел эту школу. «Школу Быка»...

— Откуда?..

— Откуда я об этом знаю? — улыбнулся генерал, но улыбка его была грустной. — Знаю, лейтенант!.. И плохим бы я был генералом, если бы не знал таких вещей о своих бойцах!.. Так что, это ведь так?

— Так, Паук...

— Я и не сомневался...

Жерарди встал и начал бродить по кабинету.

— Жаль... Жаль, что Питон больше не с нами...

— Почему, Паук? У каждого свой срок... Даже металл изнашивается и «стареет» от времени...

— Жаль потому, что... Надо бы тебе дать «отдохнуть» в Аяччо еще пару-тройку месяцев после Косово... А Питон туда не ездил...

Андрей даже привстал из кресла:

— Есть новая «работа», мон жeneralь?

— Есть... — Жерарди пристально посмотрел на своего лейтенанта. — Только... Ты потерял в последней операции двоих друзей... И... Я даже без эскулапов вижу, что до сих пор еще «дергаешься»... А мне нужен стрелок со стальными нервами...

— Я готов!

— Сядь! — Генерал уселся в свое кресло. — И налей нам еще по одной...

Жерарди усиленно пытался принять правильное решение, и наконец...

— Ты когда-нибудь пил молоко ламы, лейтенант? Пробовал?

— Нет, мон женераль... Ламы, насколько я помню, водятся только в перуанских Андах, а туда меня бог еще не забрасывал...

— В Андах... — Казалось, что генерал разговаривал сам с собой, настолько отрешенным был его взгляд и тих голос, но Андрей ловил каждое слово. — Это молоко с непривычки может ударить в голову, как хорошее, выдержанное вино... Интересные животные эти ламы, лейтенант...

Генерал отпил из своего стакана:

— Вообще-то, ламы — это разновидность верблюдов...

— Верблюдов? А горбы? — удивился Андрей.

— Ну, вот такие они, маленькие и безгорбые... А влагу накапливают, так же как и те, нам привычные, в подкожный жир...

— Никогда не подумал бы!

— Но это так... В Перу, Ален, ламы, прирученные еще тысячелетия назад, являются обычным домашним скотом, на котором инки перевозят свои грузы. Знаешь... Лама, в общем-то, небольшое животное, примерно, как осел, но она может в течение целого дня, по горам нести на своей спине до полусотни килограммов груза... К тому же ламы дают густое и жирное целебное молоко, которое иногда, в холодные зимы или неурожайные годы, может быть единственным источником пропитания для индейцев, живущих высоко в горах... Ну и, конечно же, ее шерсть!..

Генерал подошел к небольшому шкафу и извлек из его недр невероятно пестрый, какой-то, красно-

желто-зелено-черный, вязаный... Подобрать название этому предмету одежды практически невозможно! Ни в цивилизованной Европе, ни в полудикой Африке такого вида одежды Андрей не встречал еще ни разу!.. Ну, скажем, если очень «притянуть за уши», то это был толстый вязаный пиджак!.. С национальным цветным орнаментом, в котором обязательно присутствовали силуэты и самих лам.

— Вот. — Генерал погладил своей шершавой ладонью это произведение национального, перуанского искусства. — Это мне племянница из Перу привезла в подарок, Мари... Глупышка! Подумала, что я могу его надеть!.. Девчонки... Она мне, как дочь... Мари...

— Какая Мари, мон генераль?

— А то ты не знаешь! — хмыкнул Жерарди. — Лейтенант Мари Савеллофф! Мой референт по личным вопросам!.. Что, она тебе ничего не сказала?

— Нет...

— Не ври генералу, лейтенант! Она на тебя уже давно глаз положила!..

Андрей решил поскорее уйти от этой скользкой темы:

— И что, надевали?

— Пришлось пару раз... — улыбнулся генерал. — Женщины мои сговорились: жена, дочь, Мари — вот и не стал я с ними воевать... Чувствовал себя абсолютным попугаем, какаду...

«...Ага! Я у мамы светофор!» — подумал Андрей, но говорить вслух не стал, боясь обидеть.

— ...Но тепло! Так, словно сидишь у камина... Вот такие они, перуанские ламы — и еда, и шерсть на одежду...

— Интересно...

В голове Чифа уже давно родилось подозрение, что разговор о ламах начат генералом не просто так. «Просто так» этот человек вообще никогда и ничего не делал.

— А еще... — Паук прищурился и остро взглянул на Андрея. — С ламами связан один малоизвестный, но весьма интересный факт: ученые считают, что распространенную привычку жевать листья кустарника коки перуанские индейцы переняли именно от лам, которые до сих пор никогда не упустят случая жевнуть «бодрящих» листочков... Любят они это растеньице... Любимейший их деликатес, можно сказать!.. Потому и молоко ламы пить с непривычки весьма опасно — опьянеешь в два счета...

— Кока не растет в высокогорье, насколько я знаю...

— Значит, знаешь плохо, лейтенант!..

Разговор «на отвлеченные темы», затеянный генералом, стал плавно переходить в разговор деловой.

— ...Кока — сорняк! Этот куст может расти где угодно! Конечно, в низине, в жарком климате, да при повышенной влажности, ему, сорняку этому, расти гораздо легче!.. Особенно, если его еще и высаживают специально, культивируют, удобряют, листочки-цветочки постоянно собирают, чтобы новые росли!.. Тогда этот кустик будет просто «вечнозеленым»!.. Как ваша сибирская елка...

А вот это был уже просто прямой намек, на который не среагировал бы только абсолютный идиот.

— При переработке листьев коки вырабатывается кокаин...

— При правильной переработке, Ален!.. Весьма нужный, полезный и дорогостоящий компонент в

мировой фармацевтике, как обезболивающее и нейролептическое средство, добавленное к другим компонентам в определенных дозировках... Он входит в состав многих лекарств, используемых в хирургии и психиатрии... М-да!.. — Генерал опять пригубил из своего стакана. — Беда в другом...

— Я понял, Паук! — Ну, что еще нужно было объяснять. — Только...

— Что, Ален?

— Перу — страна высокогорная... Там нет таких условий, чтобы...

— А кто говорил про Перу?

— Ну... — От такого поворота Андрей даже опешил немного. — Ламы, инки... Пиджак этот...

— А!.. Ну, это ерунда!.. — И в этот момент Андрею стало ясно, что генерал принял все же решение. — По соседству есть и другие государства... Климат которых, надо сказать, весьма способствует... Пойма Амазонки, так сказать...

Вот тут уже включилась «Боевая Машина Филин»... В голове Андрея тут же возникла карта государств, соседствующих с Перу.

— Эквадор, Колумбия, Бразилия, Боливия, Чили!

— Ну-у!.. — улыбнулся генерал. — Чили — это ты совсем зря!.. Им уже много лет, с моим тезкой во главе¹, совсем не до этого...

Андрей напряженно «ворочал» в своих мозгах все то, что он знал или слышал о латиноамериканских наркокартелях, потому что уже понял, к чему

---

¹ Известнейший в современной истории как один из самых кровавых диктаторов современности генерал Аугусто Пиночет.

сведется весь этот запутанный разговор — будет задание.

— Западная Бразилия... В этой части она практически не освоена — глухие, непроходимые джунгли... Тут живут только аборигены... И плотность населения здесь примерно сто человек на несколько тысяч квадратных километров... — Лейтенант уже «видел» перед своими глазами карту региона. — Здесь вряд ли... Эквадор?.. Маленькое, затюканное государство с бесчисленными правительственными переворотами... В нем если и может быть «Что-то», то только извне... Значит... Колумбия?!

— Bravo! — Жерарди хлопнул несколько раз в ладоши. — Другого вывода от тебя я и не ожидал!.. Потому, что только вчера сделал точно такой же...

Генерал «забылся» настолько, что схватил бутылку и набулькал в два стакана до самых краев.

— Bon-bon? — спросил он, подняв свой стакан.

— Bon-bon! — ответил Андрей и выпил.

Они закусили шоколадом и устали друг на друга. Взгляд генерала оказался «жестче».

— Колумбия... Да, сынок... Колумбия считается, и заслуженно считается, мировым лидером нелегальных поставок кокаина «на мировой рынок»... И Медельин считается мировой столицей наркомафии... Только... — Генерал взглянул на Андрея. — Это досужее мнение, как оказалось, не настолько правильное, как считали эксперты... Нет! Колумбия, конечно, основной поставщик кокаина, но... Беда в том, что основным его производителем...

— Боливия?

— Боливия... Как это ни странно, Ален... И работать придется именно там!

— Боливия... А?

Теперь простые разговоры были закончены — лейтенанту Ферри ставилась боевая задача.

— Колумбия, Ален, — это всего лишь всеобщее огромное заблуждение, как оказывается... Так что Боливия...

Генерал подошел к карте мира, которая висела на стене кабинета, и остановил свой сосредоточенный взгляд на южноамериканском континенте:

— Боливия... Ее южная, центральная и юго-западная часть высокогорная... Да... В общем-то, семьдесят процентов Боливии — это Анды... И высоты здесь довольно серьезные! Одна только гора Ильямпу со своим известнейшим на весь мир ледником составляет 6550 метров над уровнем моря... Ее ледник, кстати говоря, — один из самых больших в мире!..

— Солидно!

Андрей усиленно вспоминал свои ощущения высоко в горах, которые ему доводилось пережить. Последний раз это было всего-то полгода назад, когда он по просьбе-приказу все того же Жерарди отправился в Гималаи, в Королевство Бутан, в далекий от всего суетного мира дзонг Кулха Чу, приютившийся на северной стороне вершины Кулагангри, чтобы пожить там в окружении монахов Белых Братьев три месяца и успокоиться душой... Бывал он высоко в горах и до этого, давным-давно, в 90-м, в Горном Бадахшане, когда он, будучи еще офицером Отряда, выполнял со своей РДГ, как теперь оказывается, похожее задание — «обеспечение прекращения работы наркотрафика»... Но!.. Как обнаружил он сам для себя, выше 4500 метров он никогда не поднимался, хотя уже на этой высоте остро чувствовалась нехватка

кислорода, и, чтобы сделать хоть что-нибудь, приходилось делать над самим собой нечеловеческие усилия.

А генерал тем временем продолжал, не заметив или не обратив внимания на замечание Чифа:

— Кстати... Именно этот ледник питает собой одно из самых красивейших высокогорных озер мира — Титикака... Джунгли в Боливии — это ее восточная часть, но она, к счастью, нам совершенно ни к чему, и... Ее север... — Он грохнул своим кулаком по карте именно в этом месте. — Север! А если уж совсем точно — пойма реки Мадре-де-Дьос... Это одна из крупных рек южноамериканского континента, которая берет свое начало высоко в горах, течет чуть ли не через половину всего континента и впадает в конце концов в Амазонку... Так что это на самом деле и есть бассейн Амазонки со всеми вытекающими отсюда последствиями — крокодилами, анакондами, пираньями и тому подобной дрянью!.. Это глухие, заболоченные джунгли, лейтенант...

— Тоже со всеми вытекающими последствиями...

— Точно так, Чиф... Точно так!..

Они смотрели друг на друга и не знали, что сказать. Смотрели и молчали... Но молчание это не могло продолжаться до бесконечности.

— Где-то там, в пойме Мадре-де-Дьос, находятся огромные плантации коки...

— Которые надо найти и уничтожить... Так? — подвел итог Андрей.

— Нет, лейтенант, не так...

Генерал прошелся еще раз по кабинету и заявил:

— Слушай боевую задачу, лейтенант!

Все! «Посиделки с коньячишкой» закончились, теперь начиналась служба, и Андрей в одну секунду стал собранным и внимательным.

— Международный комитет по контролю за оборотом наркотиков при ООН обратился к высшему командованию Республики Франция с просьбой провести одну операцию, которая будет обозначена грифом «Top secret»¹... Ну, а те, что вполне естественно, обратились к командованию Легиона. Теперь организацией этой операции занимаюсь я... Так вот... Есть в Боливии одно семейство... Моралес Айма... Пятеро братьев...

— Пятеро братьев?

— Пятеро — Гомес, Хуан Эвио, Алесандро, Владимир и Энрике... Это очень известная и, наверное, одна из самых богатых семей не только Боливии, но и всей Латинской Америки.

— И бизнесом этой семьи является выращивание и переработки коки? — догадался Андрей.

Жерарди внимательно посмотрел на Чифа:

— И не только... Готовый кокаин они переправляют в Колумбию маленькими самолетами типа «Сессна», а дальше...

— Дальше понятно...

— В «бароны», Ален, подались только трое из всей семьи — Хуан Эвио, Алесандро и Энрике. Остальные двое — борцы за свободу Латинской Америки. Последователи Эрнесто Че Гевара... Они вполне приличные революционеры и изгои своей семьи...

— А дальше?

— Основные лица в этом семейном бизнесе — это, конечно, Эвио и Алесандро. Да это, в общем-то, и понятно — они старшие братья. Самого младшего, Энрике, они держат в «черном теле»... Он пока что

---

¹ «Совершенно секретно» (англ.)